

Станислав Пшибышевский

Дети горя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П93

П93 **Пшибышевский С.**
Дети горя / Станислав Пшибышевский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 222 с.

ISBN 978-5-519-73098-3

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы». Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM—КЛАССИКА. Вашему вниманию представляется книга Анатолия Луначарского «Пять фарсов для любителей».

ISBN 978-5-519-73098-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Янъ Кривло сидѣлъ въ просторномъ залѣ большаго помѣщичьяго дома, у гроба своего отца.

Уже свѣтало.

Черезъ широкое окно, раскрытое въ садъ, доносилось пѣніе проснувшихся птицъ, врѣвался ароматъ цвѣтущихъ плодовыхъ деревьевъ, слышался говоръ работницъ, начинавшихъ доить коровъ, со двора доносилась какая-то перебранка,—но все какъ будто сквозь сонъ.

Можетъ быть—дѣйствительно, сонъ?

Янъ очнулся.

Взглянулъ кругомъ, и глаза его неподвижно остановились на лицѣ умершаго отца.

Онъ безъ малѣйшей печали смотрѣлъ на суровое, окаменѣвшее въ величій смерти лицо и самъ удивлялся, что не чувствуетъ въ сердцѣ никакой грусти: только упрямое любопытство. Въ этомъ онъ себѣ признавался.

Все пристальнѣе присматривался онъ къ лицу покойника, словно никогда не видѣлъ его; онъ вдругъ понялъ, что, въ самомъ дѣлѣ, никогда раньше его не видѣлъ, не зналъ,—и теперь въ первый разъ внимательно на него глядитъ.

Онъ придвинулъ кресло къ гробу и смотрѣлъ,

смотрѣлъ, словно теперь, послѣ смерти, хотѣлъ вырвать у этого человѣка тайну всей его жизни.

Потомъ невольно отодвинулся: ему показалось, что огромный старикъ вотъ-вотъ встанетъ изъ гроба, метнетъ въ него быстрый, какъ молнія, взоръ и шепнетъ.

— Зачѣмъ не даешь мнѣ покою?

Онъ отодвинулся еще дальше, но не могъ оторвать глазъ отъ застывшаго, словно въ какомъ-то чудовищномъ страданіи окаменѣлаго лица,—и его охватилъ страхъ: трудно было повѣрить, что старикъ уже не проснется отъ вѣчнаго своего сна.

Въ головѣ его протянулись какія-то смутныя, туманныя воспоминанія: словно чрезъ густую мглу, онъ на этомъ же мѣстѣ увидалъ свою мать. Онъ погружался въ воспоминанія. Да, теперь помнилъ уже отчетливо: здѣсь, на этомъ же самомъ мѣстѣ, лежала въ гробу его мать... Подали ужинъ, но мать все не приходила. И вотъ, потихоньку, на цыпочкахъ, чтобы не разбудить мать, онъ проскользнулъ въ залу, подошелъ къ гробу, поцѣловалъ у матери руку:

— Мама,—шепотомъ проговорилъ онъ,—пойдемъ кофе пить.

Нѣжными, любящими губами прикоснулся къ чему-то, какъ ледъ холодному и въ первую минуту не понимая, что случилось,—но потомъ обуялъ его страшный, смертельный ужасъ предъ чѣмъ-то рѣшительно ему непонятнымъ... А сколько ему тогда могло быть лѣтъ? Семь, не больше.

Онъ дрожалъ отъ страху, но такъ какъ привыкъ будить мать по утрамъ, съ шутливою нѣжностью осторожно приподымая ея вѣки,—то и теперь попробовалъ сдѣлать то же.

На этомъ его воспоминанія обрывались. Изъ позднѣйшихъ разсказовъ старой няньки узналъ онъ, что съ нимъ, должно быть, случилось что-то ужасное. Въ дикомъ ужасѣ выбѣжалъ онъ изъ дома, помчался въ поле, и только позднимъ вечеромъ нашли его въ сосѣднемъ лѣсу..

Цѣлую недѣлю лежалъ онъ въ тяжелой горячкѣ, а когда, наконецъ, пришелъ въ себя..

— Да, да,—пробормоталъ онъ,—съ того дня начались для меня эти муки.

Разсвѣтъ, врывавшійся въ широко раскрытыя окна залы, боролся съ блѣднымъ свѣтомъ свѣчей, разставленныхъ вокругъ катафалка; птицы пѣли все громче; запахъ цвѣтущихъ деревьевъ волнами вливался въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ, и грусть все сильнѣе охватывала сердце Яна... Нѣтъ! это была не грусть, а только тяжелое раздумье.

И, чтобы быть совершенно честнымъ съ самимъ собой, онъ принужденъ былъ сознаться, что поступилъ очень глупо, когда послушался телеграммы младшаго брата и прѣхалъ на похороны отца.

Цѣлые годы жилъ онъ вдали отъ родной деревни, ничто почти не связывало его съ родительскимъ домомъ,—а тутъ вдругъ какіе-то сантименты... Смерть... смерть.. что за удивительный предразсудокъ—эта глупая смерть! Живя

человѣкъ—все въ порядкѣ, и никто нисколько о немъ не заботится, а стоить ему умереть—подымается суматоха, и вопли, и горе... Какъ нелогичны люди! Вѣдь иной разъ жизнь,—снова думать онъ объ умершемъ отцѣ. — хуже смерти...

Онъ улыбнулся, что можетъ думать такими общими мѣстами.

Разсвѣтъ заставилъ уже померкнуть огни свѣчей, птицы разлетѣлись, затихли голоса на дворѣ. Только издали доносился еще стукъ выѣзжающихъ въ поле телѣгъ,—а потомъ наступила полная тишина.

— Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?—подумалъ Янъ.—Чтобы идти за гробомъ? Чтобы люди дивились, что я не пролилъ ни одной слезы? Зачѣмъ?

Онъ упорно смотрѣлъ на застывшее лицо старика.

— Спи, бѣдное сердце, спи.

Онъ не зналъ, почему называлъ сердце отца бѣднымъ,—но еще ребенкомъ угадывалъ, что страшнымъ чѣмъ-то обуреваемо это сердце, что ни на мигъ не извѣдало оно ни тишины, ни спокойствія.

— Спи! спи!

— И зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

Этого онъ самъ не зналъ. Кто-то его звалъ. Братъ? О, нѣтъ! Между этимъ старикомъ и имъ были, очевидно, какія-то скрытыя, даже неощутимыя нити... Нѣтъ, мало: веревки, канаты, которые влекли его сюда.

Какъ ураганъ, пронеслась передъ нимъ вся его юность. Онъ вздрогнулъ, но не хотѣлъ думать объ этомъ. Онъ поборолъ эти нахлынувшія воспоминанія и снова придвинулся къ гробу.

Всѣ усилія воли, которыя онъ дѣлалъ, чтобы не думать, оказались ни къ чему. Что-то лежащее внѣ его заставляло Яна вспоминать всѣ несчастья этой какъ будто проклятой семьи.

И онъ уже не боролся съ неистовымъ роємъ самыхъ мучительныхъ мыслей: съ жестокимъ упорствомъ сталъ онъ присматриваться къ судьбѣ своихъ близкихъ; онъ находилъ даже нѣкоторое удовольствіе въ этихъ холодныхъ, какъ ледъ, воспоминаніяхъ изъ исторіи гибнущаго рода, распадающейся семьи.

Онъ всталъ.

Не любилъ онъ, по правдѣ сказать, этого похороннаго настроенія, не любилъ запаха восковыхъ свѣчей, но теперь все это показалось ему необычайно пріятнымъ.

Онъ вздрогнулъ отъ стыда, что былъ въ состояніи думать теперь о какихъ-то тамъ «настроеніяхъ»; чувствовалъ, что его душа грубѣетъ, что онъ подходитъ къ міру съ точки зрѣнія постыдныхъ литературскихъ «настроеній».

Теперь онъ сѣлъ на диванъ, подальше отъ гроба, и обѣими руками сжалъ голову... Старшій изъ братьевъ—сумасшедшій... Несомнѣнное религіозное помѣшательство. Уже на вокзалѣ, когда тотъ, послѣ шестилѣтней разлуки, здоровался съ нимъ какимъ-то священническимъ

благословляющимъ жестомъ, — Янъ понялъ, что его любимый братъ заплатился разсудкомъ за всѣ грѣхи предковъ. Онъ показался Яну мученикомъ — и Янъ почувствовалъ къ нему любовь.

Но такъ какъ Янъ не привыкъ лгать самому себѣ, то слово «любовь» онъ замѣнилъ словомъ «жалость»

Потому что онъ именно не любилъ никого. — Янъ задумался.

Нѣтъ! Не къ чему размышлять надъ своей судьбой: на это у него слишкомъ достаточно времени впереди.

Саля!

Онъ помнилъ, какъ его, пятилѣтняго мальчика, подвели къ колыбелькѣ сестры, которую ему такъ хотѣлось имѣть.

Саля! Можетъ быть, ее онъ любилъ?

Но въ этомъ онъ не былъ увѣренъ, потому что слишкомъ уже убѣдился, что ни самъ никого не можетъ любить, ни быть любимымъ.

А все-таки — Саля, единственная сестра.

Съ минуту онъ наслаждался этимъ словомъ: сестра. Потомъ опять всталъ и поглядѣлъ на окаменѣлое лицо старика.

— Зачѣмъ же ты ее проклялъ? Зачѣмъ выпрыгнулъ дитя свое на страданія, муки, униженія? За то, что твоя же кровь въ ней оказалась? Ха-ха-ха! — засмѣялся онъ вдругъ язвительнымъ смѣхомъ, — развѣ мало у меня братьевъ въ нашей деревнѣ?

Онъ почти съ ненавистью взглянулъ на трупъ.

— Такъ почему же ее ты проклялъ и вы-

швырнулъ изъ дому? Не за то ли, что она влюбилась въ твоего управляющаго? Ха-ха-ха! А ты?..—но онъ не посмѣлъ до конца продумать свою мысль.

Величіе смерти умирilo всѣ его бунтовщическія мысли. Къ тому же, у него было нелѣпое опасеніе, что старикъ можетъ встать изъ гроба и наказать его за слишкомъ дерзкія рѣчи.

Онъ приемирѣлъ.

Младшій братъ?.. О немъ не хотѣлъ думать. Пьетъ, пьетъ, пьетъ... Странно, что онъ такъ напивается: онъ никогда не бываетъ окончательно пьянъ. Ходитъ только, словно въ туманѣ, и думаетъ, думаетъ... О чемъ думаетъ?—Можетъ быть, о матери, которой почти не зналъ.

И вдругъ въ мысляхъ его прояснилось. Онъ вдругъ понялъ причину несчастія всей семьи: мать не любила отца... А! теперь все ему стало ясно, теперь онъ все понялъ: тяжелый, суровый правъ отца, его ревнивую ненависть ко всему, что могло оказаться счастливой любовью, проклятіе дочери... и... и...

Его вдругъ охватила глубокая жалость къ старикѣ, грусть объ этомъ несчастномъ сердцѣ, которое уже перестало биться. И въ то же время онъ ощутилъ острое любопытство: почему онъ назвалъ это сердце бѣднымъ?

Онъ былъ разстроганъ.

— Старикъ былъ суровый, замкнутый,—а вѣдь онъ любилъ меня... Да, меня онъ любилъ...

Сердце Яна начало таять. Онъ опустился на колѣни передъ гробомъ и приникъ губами къ

холодной рукѣ,—но въ то же мгновеніе вско-
чиль: ему показалось, что рука шевелится...

Кто-то потрясъ его за плечо.

Онъ не слыхалъ, какъ дверь открылась и въ
залу вошелъ старшій изъ его братьевъ, Густавъ.

Янъ оглянулся въ испугѣ. Таеъ долго смо-
трѣли они другъ на друга

На губахъ Густава блуждала вѣчная, тихая,
сумасшедшая улыбка.

— Тебѣ кажется, что ты былъ здѣсь съ
мертвымъ, а я тебѣ говорю, что онъ живъ: болѣе
живъ, нежели ты или я.

Янъ ласково взялъ его подъ руку и посадилъ
на диванъ.

Долго сидѣли молча.

— Смерть! Смерть!—тихонько хихикалъ Гу-
ставъ,—нѣмая смерть. Помнишь «Федона»? Вся
жизнь мудрецовъ—только путь къ смерти, а
смерть—величайшее благо.

Янъ молчалъ. Только сжалъ руку брата.

Вдругъ Густавъ шепнулъ ему на ухо:

— Знаешь? Какіе-то тамъ доктора не поз-
воляютъ мнѣ курить. Но ты—добрый братъ:
дай мнѣ папиросу

Янъ досталъ папиросы и далъ одну Густаву.
Тотъ закурилъ ее и оъной затяжкой втянулъ
въ себя всю.

— Ну вотъ,—шепталъ онъ,—теперь мнѣ хо-
рошо. Вамъ кажется, я не въ своемъ умѣ, а
я разгадалъ труднѣйшую изъ загадокъ жизни:
смерть. Смерти нѣтъ! Это глупости! Я радуюсь
смерти отца, котораго любилъ. Мнѣ, по край-

ней мѣрѣ, кажется, что любилъ. Я отъ всего сердца радуюсь, что вскорѣ, да, вскорѣ—потому что что такое миллионы лѣтъ по сравненію съ вѣчностью?—онъ станетъ Махатмой!

— Махатмой?

— Да, да, Махатмой! — горячо подтвердилъ Густавъ, но такимъ торжественнымъ и таинственнымъ шепотомъ, что по тѣлу Яна пробѣжала дрожь.—Я объясню это тебѣ потомъ. Вы, считающіе меня сумасшедшимъ,—пробываете въ состояніи звѣриномъ. Вы находитесь въ Кама-Рупа, на низшей ступени, которой до сихъ поръ достигло человѣчество на пути къ совершенству. Для васъ смерть—ужасъ и горе, а для насъ, посвященныхъ въ тайну, просвѣщенныхъ сокровенной наукой, она—радость и счастье. Черезъ нее достигаемъ мы бодрственаго состоянія,—всѣ, всѣ,—прошепталъ онъ.—Всѣ мы—дѣти горя, распада: злые, преступные, низкіе, сумасшедшіе, пьяные...

Сумасшедшій вскочилъ, внезапно охваченный яростью:

— Мы всѣ достигнемъ божественности, понимаешь? Ибо нѣтъ ни зла, ни добра, а если кто дѣлаетъ зло, то лишь потому, что онъ заблуждается.

Глаза его налились кровью.

— Понимаешь? — закричалъ онъ. — Такъ учить священная наука. И теперь святой старецъ; отецъ нашъ,—въ раю

Онъ сталъ на колѣни предъ гробомъ и сразу успокоился.

— Ты вернешься, вернешься назадъ. Ты прошелъ пять планетъ и вотъ идешь на шестую, чтобы, когда исполнятся времена—расширить душу свою до предѣловъ божескихъ, на седьмой планетѣ

Онъ вскочилъ:

— Ты возвратишься богомъ! — кричалъ онъ и вдругъ посмотрѣлъ на Яна пустыми, гаснущими глазами:—Чего же ты такъ испугался? Боишься моей мудрости? Черная Карма, проклятый рокъ, преслѣдуетъ насъ, но вѣдь...

Онъ схватилъ Яна въ объятія и зашепталъ быстро, таинственно:

— Я знаю все уловки этой адской Кармы, знаю ея коварныя дорожки и тропинки. Она ступаетъ босыми ногами, такъ тихо, что и шаговъ ея не услышишь: ты еще ея не замѣтишь, а уже она схватитъ тебя сзади за шиворотъ. Но я въ долгія, бессонныя ночи, въ тяжкомъ томленіи, въ кровавомъ потѣ и ужасѣ приучилъ слухъ свой различать эту поступь: я слышу легчайшіе шаги ея, хотя бы даже такіе легкіе, какъ дуновеніе вѣтра въ знойный день юга...

И уже совсѣмъ на ухо Яну:

— Я буду стеречь и предупреждать васъ. Только вы должны меня слушаться.

Онъ весь вспотѣлъ отъ неистоваго усилія, съ которымъ высказывалъ эти запутанныя мысли.

Янъ дрожалъ: безуміе это было въ одно и то же время и пророческое, и какое-то невыразимо страшное.